

Сенюк Н.Ю., Теруков И.С.¹ ©, 2021

«Шелковый путь» и китайские прямые инвестиции в высокотехнологичные отрасли ЕС

Аннотация. В статье рассматривается динамика распределения китайских прямых инвестиций в отрасли высоких технологий ЕС и влияние китайских ПИИ на регуляторную политику ЕС с учетом специфики двусторонних взаимоотношений между КНР и странами – членами Евросоюза в области высоких технологий. На основе данных глобального «счетчика» китайских инвестиций (China Global Investment Tracker) проведен анализ динамики потоков китайских инвестиций в ЕС на временном интервале с 2005 по 2019 г. и распределения китайских инвестиций по странам – членам ЕС и секторам национальных экономик до и после начала реализации китайской глобальной инициативы «Один пояс, один путь». С помощью структурированного полужормализованного онлайн-анкетирования сотрудников высокотехнологичных компаний, расположенных на территории ЕС, описана специфика сотрудничества с китайскими инвесторами, а также показано личное отношение участников опроса к росту объемов китайского инвестиционного капитала в ЕС и представлен широкий спектр мнений

¹ **Сенюк Нинель Юрьевна** – кандидат экономических наук, доцент, Факультет мировой экономики и мировой политики, НИУ ВШЭ (seniukninel@gmail.com).

Теруков Иван Станиславович – ведущий специалист, Представительство Правительства Забайкальского края при Правительстве Российской Федерации (ivan-teruk@yandex.ru).

респондентов о перспективах развития инвестиционных отношений между ЕС и КНР.

По результатам анализа эмпирических данных сделаны следующие выводы: КНР стремится наращивать экспорт капитала в ЕС, особенно в высокотехнологические и инфраструктурные отрасли экономики. Стратегическим ответом со стороны ЕС является выработка общих регуляторных правил. Тем не менее тот факт, что страны Центральной и Восточной Европы заинтересованы в увеличении китайских инвестиционных вливаний значительно больше своих западных соседей, увеличивает разброс мнений по решению этой проблемы внутри интеграционного комплекса. При этом реализация программы «Один пояс, один путь» укрепляет позиции государств Южной Европы (таких как Италия, Греция, Португалия) как глобальных информационно-технологических и инфраструктурных хабов в рамках инвестиционных отношений КНР – ЕС. Вместе с тем последствия Брекзита, пандемии коронавирусной инфекции, а также рост протекционистских настроений в руководстве ЕС по отношению к китайским ПИИ в краткосрочной перспективе будут оказывать негативное влияние на объемы инвестиционных вливаний КНР в экономику ЕС.

Ключевые слова: прямые иностранные инвестиции, Китай, высокие технологии, ЕС, ТНК, «Один пояс, один путь».

В начале XXI в. быстрорастущие потоки китайских прямых инвестиций в зарубежные страны стали привлекать все более пристальное внимание как исследователей, так и политиков. Это связано с тем, что в последнее десятилетие Китай прочно занял место в лидерской тройке глобальных инвесторов, а для описания масштабных вложений его прежде неведомых миру и возникающих словно из ниоткуда транснациональных компаний стал использоваться метафорический образ «ТНК-драконов». Исследователи пытались либо применять существующие неоклассические модели прямых иностранных инвестиций (ПИИ), созданные на основе обобщения опыта традиционных западных ТНК, либо модифицировать их таким образом, чтобы описывать не только китайские ПИИ, но и потоки капитала из других развивающихся и трансформирующихся экономик. В течение первого десятилетия XXI в. не удалось получить однозначный ответ на вопросы о том, кор-

ректна ли такая модификация и можно ли использовать традиционные модели ПИИ в качестве ее основы. В начале следующего десятилетия были получены уже более определенные ответы на этот счет (см., напр.: [Сенюк, 2012]) и сделан вывод, что существующие неоклассические модели ПИИ являются лишь упрощенным частным случаем, применимым только для небольших негосударственных китайских ТНК. В общем же случае – в том числе для больших компаний, особенно государственных центрального подчинения, выступающих фактически в роли агентов правительства КНР, – необходимы принципиально иные подходы. Без этого будет чрезвычайно затруднительно правильно определить важные для стран-реципиентов истинные мотивы китайских ТНК, далеко не всегда преследующих только экономические цели. Прежде всего это касается вложений в стратегические высокотехнологичные активы. Для политиков принимающих стран результаты исследований такого рода играют определяющую роль как для выработки адекватной регуляторной политики, так и для формирования определенного общественного мнения в отношении ответа на главный вопрос: что несут китайские инвестиции их странам – новые возможности или угрозы? При этом нужно учитывать не только неуклонно нарастающие масштабы китайских ПИИ, но и быструю эволюцию приоритетов и стратегий китайских компаний.

Экспорт капитала из КНР стал заметным явлением лишь с 2002 г., после вступления страны в ВТО (ноябрь 2001 г.). Вплоть до начала мирового финансово-экономического кризиса (который Китай ощутил на себе еще в 2007 г.) принятая в КНР на государственном уровне стратегия «Go global» и ее стимулы способствовали массовому выходу китайских компаний на внешние рынки (главным образом – в развивающиеся и азиатские страны), преимущественно с ресурсно ориентированными приоритетами. При этом государство всячески содействовало их максимально быстрой адаптации к особенностям инвестиционной деятельности на зарубежных рынках. В течение двух кризисных лет Китай массово скупал резко подешевевшие активы западных технологических компаний. Выйдя из кризиса раньше всех (в начале 2009 г.), КНР прочно заняла место в топ-10 глобальных инвесторов планеты.

Послекризисный период характеризовался нарастающей инвестиционной экспансией и диверсификацией целей китайских ПИИ (в том числе – в высокие технологии и информационно-коммуникационный сервис), а также резким усилением стратегических приоритетов КНР, вошедшей в ведущую тройку крупнейших мировых экспортеров капитала с амбициями опередить США к концу десятилетия. Однако с 2013 г., после того как в Астане во время осеннего визита Си Цзиньпина в Казахстан была провозглашена глобальная инициатива «Один пояс, один путь» (ОПОП), приоритеты стали сдвигаться в сторону инвестиций в инфраструктуру, как традиционную индустриальную («жесткую»), так и постиндустриальную («мягкую»), основанную на использовании сетевых систем и информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) [Huang, 2016]. Столкнувшись с депрессивным воздействием неустойчивого глобального послекризисного спроса, больше всего проявлявшемся в недостаточной загрузке и низкой рентабельности индустриального экспортно ориентированного сектора, Китай в середине 2010-х годов начал глубокую постиндустриальную трансформацию своей экономики. Эта трансформация была направлена как на ускоренное наращивание внутреннего технологического рынка с массовым вовлечением в него сельского населения в рамках программы «Новая деревня», так и на быструю глобализацию китайской экономики прежде всего посредством вложений китайского капитала в высокотехнологичные отрасли ЕС и в глобальные проекты инфраструктурного переобустройства Евразийского континента. Эти приоритеты нашли свое отражение в планах 13-й пятилетки (2016–2020) по созданию нового институционального каркаса постиндустриальной экономики Китая на базе 210 национальных зон экономического и технологического развития, а также двух глобальных мегарегионов – Пекин-Тяньцзинь-Хэбэй и Экономического пояса реки Янцзы. Такая инновационно ориентированная институциональная перестройка означала не только полное и успешное завершение программы Дэн Сяопина по построению «среднезажиточного общества» («сяокан»), но и знаменовала переход к началу реализации нового исторического этапа по воплощению «китайской мечты» – пре-

вращению национальной экономики страны в ведущее ядро будущей глобальной мультиполярной мирохозяйственной системы.

Разумеется, глобальные лидерские амбиции КНР (в совокупности с трансконтинентальной односторонней инфраструктурной инициативой ОПОП) не могли не встретить мощного (в допустимых между членами ВТО пределах) противодействия США, которое стало особенно сильным после избрания президентом страны Д. Трампа в 2016 г. Специфическими приметами нового политического курса Белого дома стали интенсификация протекционистской внутренней политики, направленной на возрождение «американской мечты», а также американо-китайская торговотарифная война, развязанная для внешнего сдерживания Китая и сопряженная с созданием барьеров проникновению китайских ПИИ в высокотехнологичные отрасли и компании США.

В этих условиях для КНР резко возросла значимость доступа к высоким технологиям ЕС, о чем свидетельствуют неуклонно увеличивавшиеся (по крайней мере до 2016–2017 гг.) потоки китайских ПИИ, и главное – их технологическая направленность. Таким образом, в настоящее время появилась необходимость в анализе этих инвестиционных потоков с учетом высокотехнологичных приоритетов КНР и глобальной инфраструктурной инициативы ОПОП, а также настроений гражданского общества стран – членов ЕС, непосредственно влияющих на выработку встречной инвестиционной политики принимающих стран. Исследованию этих вопросов и посвящена данная работа.

При этом следует отметить, что при проведении такого анализа необходимо учитывать, с одной стороны, неадекватность существующей теоретико-модельной базы нынешним глобальным инновационным вызовам, сопряженным как с прямыми потоками китайских ПИИ в высокотехнологичные отрасли ЕС, так и с нелинейным воздействием инициативы ОПОП, и, с другой – принципиальную неполноту официальной статистики КНР по инвестициям такого рода, а также наличие значительных потоков китайских капиталов, «перекрашиваемых» Пекином в другие юрисдикции через «офшорные гавани» (подробнее см., напр.: [Seniuk, De Groot, 2019]). Поэтому приходится использовать эмпирические данные,

извлеченные из базы данных «China Global Investment Tracker» (глобальный «счетчик» китайских инвестиций) [China Global., 2020], где ведется учет китайских ПИИ с 2005 г., а также данные, полученные в рамках традиционного регрессивного анализа, и оценочные методы, в том числе использующие данные социологических исследований. Результаты специального исследования, проведенного авторами настоящей статьи на основе анкетирования менеджмента европейских высокотехнологических компаний, а также сравнительный анализ полученных данных и эмпирических данных из базы «China Global Investment Tracker» позволили определенным образом оценить реальные потоки китайских ПИИ в технологические отрасли ЕС и спрогнозировать некоторые тренды их будущей эволюционной динамики, в том числе и с учетом депрессивного воздействия пандемии COVID-19 на глобальную, китайскую и европейскую инвестиционную активность.

Динамика потоков китайских прямых инвестиций в период 2005–2019 гг.

Изменение инвестиционных потоков китайских компаний на территории ЕС можно проследить с помощью данных из базы «China Global Investment Tracker», где содержится информация о сумме инвестиционных транзакций, годе их совершения, компании-доноре, компании-реципиенте, а также об отраслях и странах, в которые был направлен капитал.

На рис. 1 показано изменение объемов ПИИ из Китая на разных временных интервалах. Рост инвестиций в 2008 г. обусловлен выходом на глобальный финансовый рынок значительного числа китайских корпораций (подробнее см.: [Chen, 2019]). Отдельно отметим 2016 г., когда приток китайского капитала в ЕС, вызванный реформированием законодательной базы КНР для создания более доступных условий вывоза финансов из страны, достиг своего апогея [Dillon, 2017]. Агрессивная протекционистская (а также тарифная) политика США, направленная на подрыв экономических позиций КНР, отрицательно сказалась на количестве инвестиционных сделок в последние три года [Itakura, 2020]. Помимо этого, в 2020 г. пандемия коронавируса и ее последствия стали причиной дальнейшего снижения инвестиционной активности.

Рис. 1. Совокупный объем китайских ПИИ в ЕС

Источник: составлено авторами на основе [China Global., 2020].

Динамика изменений потоков китайских ПИИ под воздействием инициативы ОПОП: отраслевой и страновой анализ

Рис. 2 демонстрирует распределение по сегментам экономики совокупного объема китайских ПИИ до и после начала реализации инициативы ОПОП. После начала реализации программы ОПОП наибольший рост наблюдался в сегментах транспорта, развлечений, финансов, логистики, технологий, недвижимости. В то же время в двух секторах экономики – химическая промышленность и металлургия – прослеживается отрицательная динамика. Энергетический сектор практически не претерпел изменений в уровне инвестиционных вложений; некоторые ученые объясняют этот факт приоритетностью данной отрасли для КНР на протяжении последних 25 лет [Mobleу, 2019]. Последняя колонка столбчатой диаграммы показывает, какое влияние оказала реализация инициативы ОПОП на увеличение китайских инвестиций в экономику Евросоюза (рост ПИИ более чем в три раза).

«Шелковый путь» и китайские прямые инвестиции в высокотехнологичные отрасли ЕС

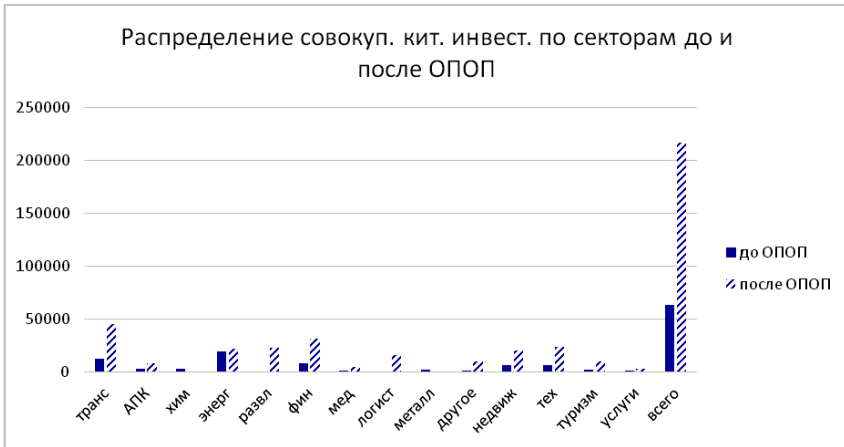

Рис. 2. Распределение китайских ПИИ по секторам экономики ЕС до и после начала реализации инициативы ОПОП

Источник: составлено авторами на основе [China Global., 2020].

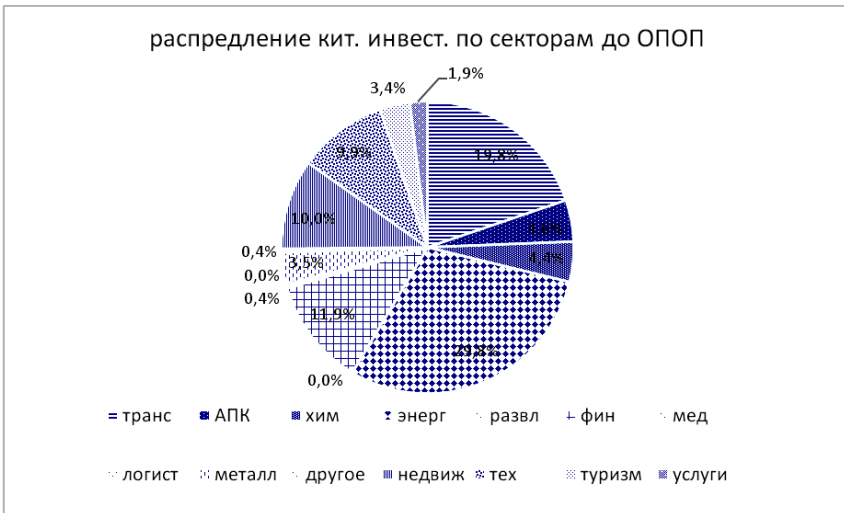

Рис. 3. Распределение китайских ПИИ по секторам экономики ЕС до начала реализации инициативы ОПОП

Источник: составлено авторами на основе [China Global., 2020].

Рис. 3 дает представление о том, каким было распределение китайского капитала по отраслям экономики Евросоюза до начала реализации инициативы ОПОП. Лидирующую позицию занимает энергетический сектор – около 30% от общих инвестиций, около 20 – поступает в сектор транспорта, примерно по 10% – в сектора недвижимости и технологий, а также в финансовый сектор.

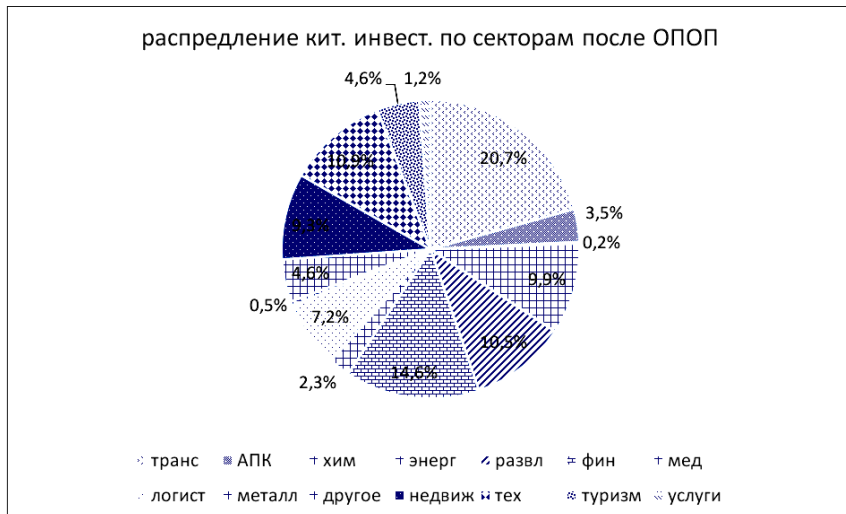

Рис. 4. Распределение китайских ПИИ по секторам экономики ЕС после начала реализации инициативы ОПОП

Источник: составлено авторами на основе [China Global., 2020].

Рис. 4 показывает секторальное распределение китайских ПИИ после начала реализации инициативы ОПОП. Отметим, что в данном случае энергетика ЕС, не потерявшая в объемах китайских капиталовложений (см. рис. 2), в процентном соотношении от общего количества ПИИ уступила, в первую очередь, транспортному сегменту, а также финансовой отрасли, технологическому и развлекательному секторам. Металлургия, химическая промышленность и продовольственная отрасль традиционно пользуются не меньшим вниманием со стороны китайских ТНК.

До запуска программы ОПОП (см. рис. 5) потоки китайского капитала были направлены преимущественно в Великобританию (больше 30%), Францию (около 15%), Грецию (9,5%), Германию (8,1%) и Португалию (7,3%). Государства, получившие самые незначительные вклады, – Дания, Финляндия, Ирландия, Мальта, Австрия и Болгария (от 0,1 до 1%).

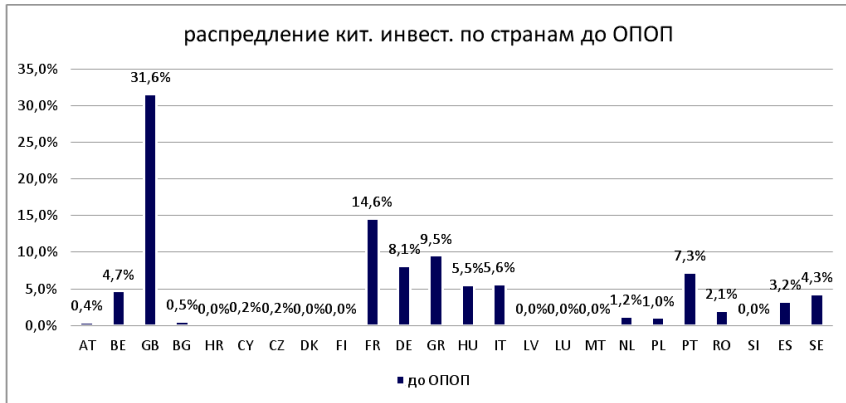

Рис. 5. Распределение китайских ПИИ по странам ЕС до ОПОП

Источник: составлено авторами на основе [China Global., 2020].

После начала реализации инициативы ОПОП (т.е. с октября 2013 г.) (см. рис. 6) Великобритания сохранила первенство по объемам китайских ПИИ, получая около 30% от общего объема. Германия со своими 20% переместилась с четвертого на второе место, упрочили свои позиции Италия (10% против 5%) и Нидерланды (6,4% против 2%), а Финляндия из аутсайдера по привлечению китайских инвестиций стала одним из лидеров, обладая 7,5%. Резко уменьшились инвестиционные потоки из КНР во Францию (7% против 15%) и Грецию (2,1% против 9,5%, падение на фоне экономического кризиса почти в 5 раз). Замыкают список стран – реципиентов китайских ПИИ государства Восточной Европы – Румыния, Польша, Хорватия, Болгария, Венгрия, а также некоторые развитые страны Западной Европы – Дания, Чехия, Австрия, – получающие поступления наравне с карликовой Мальтой – от 0,1 до 1%.

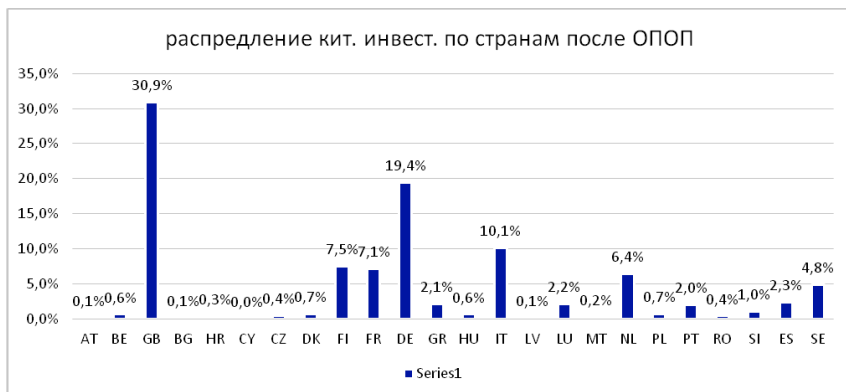

Рис. 6. Распределение китайских ПИИ по странам ЕС после ОПОП

Источник: составлено авторами на основе [China Global..., 2020].

Анкетирование сотрудников высокотехнологичных компаний ЕС

С целью анализа личных и профессиональных мнений работников высокотехнологичных компаний ЕС касательно китайских инвестиций авторы настоящей статьи использовали метод структурированного полужормализованного онлайн-анкетирования. Предварительно была составлена анкета из 25 вопросов, разделенных на три группы. Пять вопросов первой группы касались информации о компании респондента, десять вопросов второй группы – специфики взаимодействия с китайскими инвесторами, десять вопросов третьей группы – личной оценки респондентом динамики и перспектив китайских высокотехнологичных инвестиций в ЕС.

Результаты анкетирования: описание специфики взаимодействия с китайскими инвесторами

85% компаний, в которых работают респонденты, взаимодействуют с китайскими партнерами (см. рис. 7). Однако более чем в 70% этих компаний китайские транзакции составляют всего лишь 10% от всех зарубежных инвестиций. 29% фирм привлекают

от 10 до 30% капитала китайских ТНК (см. рис. 8). Подавляющая часть таких фирм – предприятия малого бизнеса.

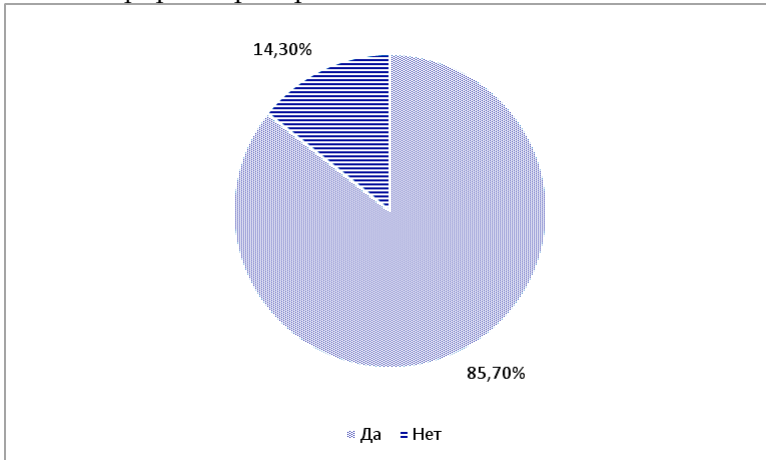

Рис. 7. «Сотрудничает ли ваша компания с китайскими инвесторами?»

Источник: составлено авторами на основе проведенного онлайн-анкетирования.

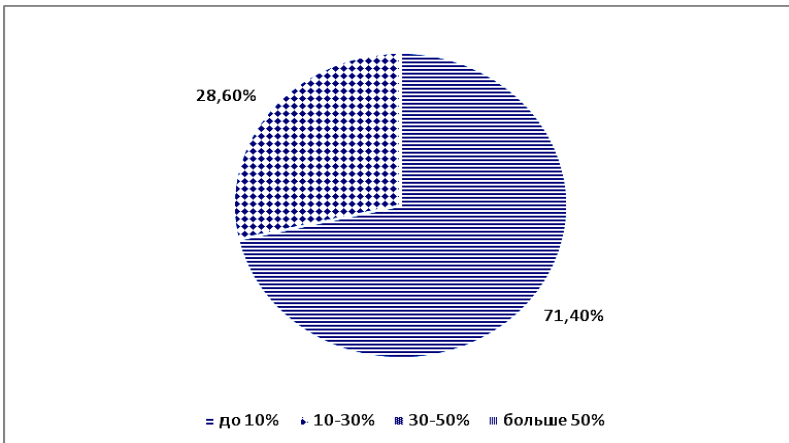

Рис. 8. «Какой процент от общих инвестиций в вашу компанию занимают китайские ПИИ?»

Источник: составлено авторами на основе проведенного онлайн-анкетирования.

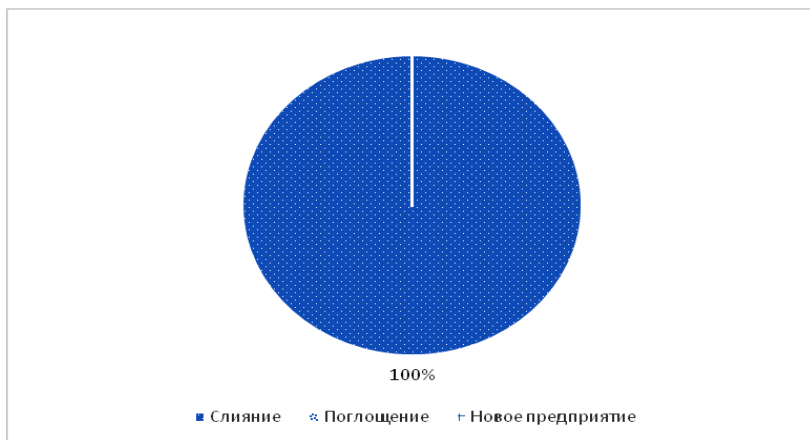

Рис. 9. «Какая самая распространенная модель китайского инвестирования в ЕС?»

Источник: составлено авторами на основе проведенного онлайн-анкетирования.

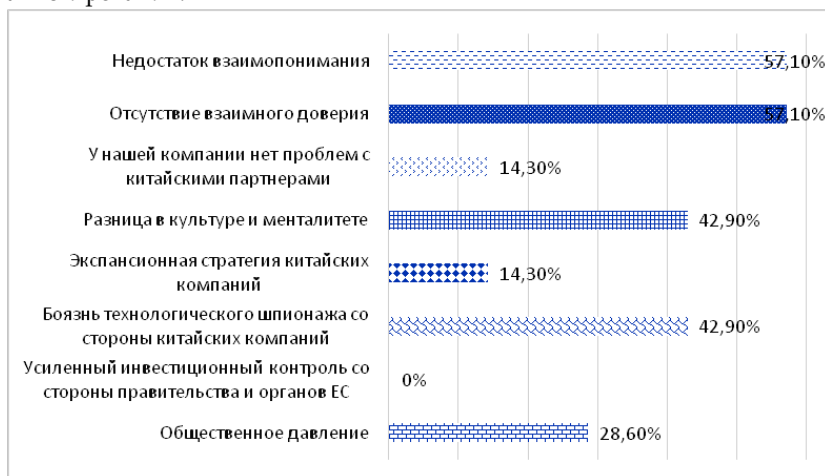

Рис. 10. «С какими проблемами сталкивается ваша компания при сотрудничестве с китайскими инвесторами?» (В данном вопросе была возможность выбрать несколько вариантов ответа.)

Источник: составлено авторами на основе проведенного онлайн-анкетирования.

По мнению респондентов, при заключении инвестиционной сделки китайские инвесторы чаще всего прибегают к слиянию (см. рис. 9). Основные трудности при работе с компаниями из Китая – низкий кредит доверия и сложности взаимопонимания (см. рис. 10). При этом подавляющее большинство опрошенных убеждено, что подписание Всеобъемлющего экономического и торгового соглашения между КНР и ЕС позитивно скажется на партнерских отношениях в инвестиционной сфере (см. рис. 11).

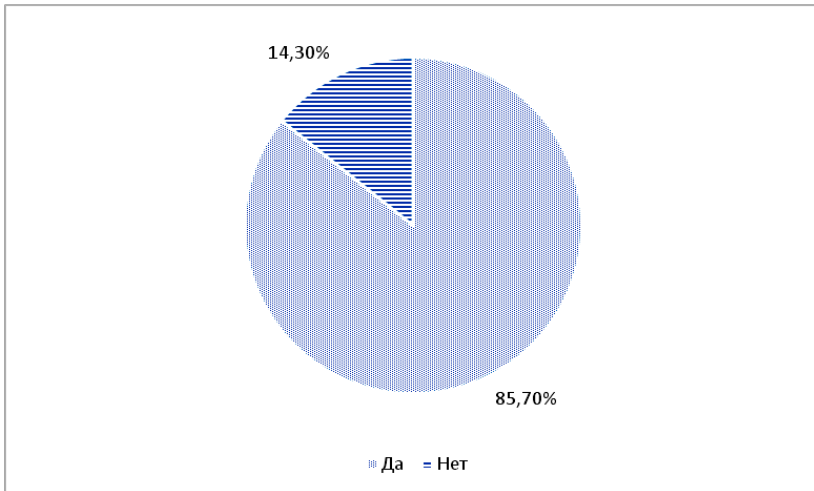

Рис. 11. «Станет ли проще сотрудничать с китайскими инвесторами после заключения Всеобъемлющего экономического и торгового соглашения между КНР и ЕС в 2020 г.?»

Источник: составлено авторами на основе проведенного онлайн-анкетирования.

Результаты анкетирования: личное отношение респондентов к китайским инвестициям

По данному вопросу голоса респондентов распределились следующим образом: 42,9% считают, что в ближайшие годы совокупный объем китайского капитала в Европе сохранится, 28,6 – что инвестиции из КНР ждет спад, и 28,6% ожидают увеличения финансовых потоков из Поднебесной (см. рис. 12).

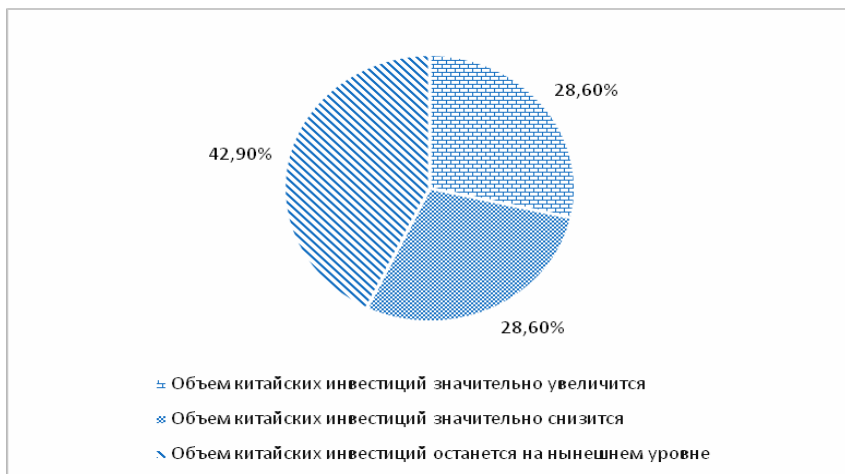

Рис. 12. «Каким образом изменится объем китайских инвестиций в ЕС в ближайшие годы?»

Источник: составлено авторами на основе проведенного онлайн-анкетирования.

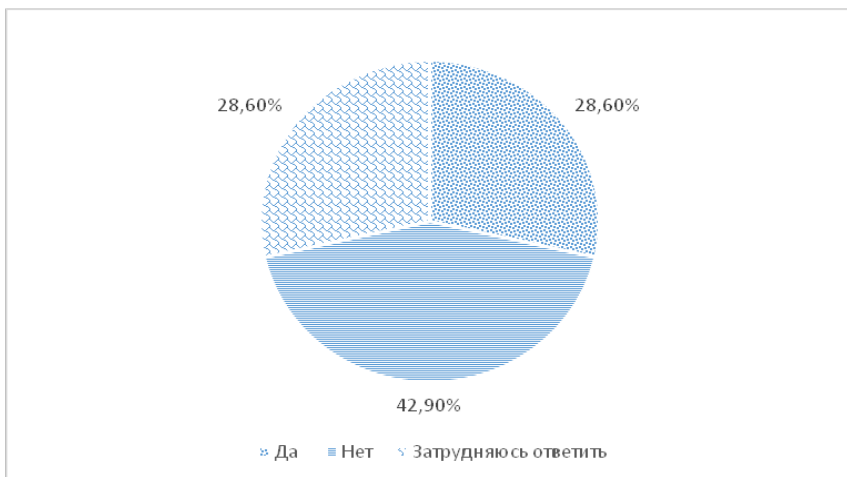

Рис. 13. «Считаете ли вы возрастание объема китайских инвестиций в ЕС угрозой для вашей компании?»

Источник: составлено авторами на основе проведенного онлайн-анкетирования.

42,9% участников опроса уверены, что усиление китайского инвестиционного присутствия не несет опасности для их предприятия, 28,6% уверены в обратном (см. рис. 13). Тем не менее, если перевести данный вопрос из плоскости бизнеса в гражданскую плоскость, распределение голосов меняется: подавляющее большинство респондентов усматривают в китайских ПИИ потенциальную угрозу для государства (см. рис. 14). Чаще всего отрицательный ответ на этот вопрос давали граждане Швеции и Кипра. Это показывает, какие из стран Евросоюза меньше прочих боятся китайского инвестиционного «вторжения»: с одной стороны, высокоразвитая Швеция, обладающая высокой экономической автономией, с другой – отсталый (по европейским меркам) Кипр, превратившийся в последнее время в главную офшорную зону по «отмыванию» денег.

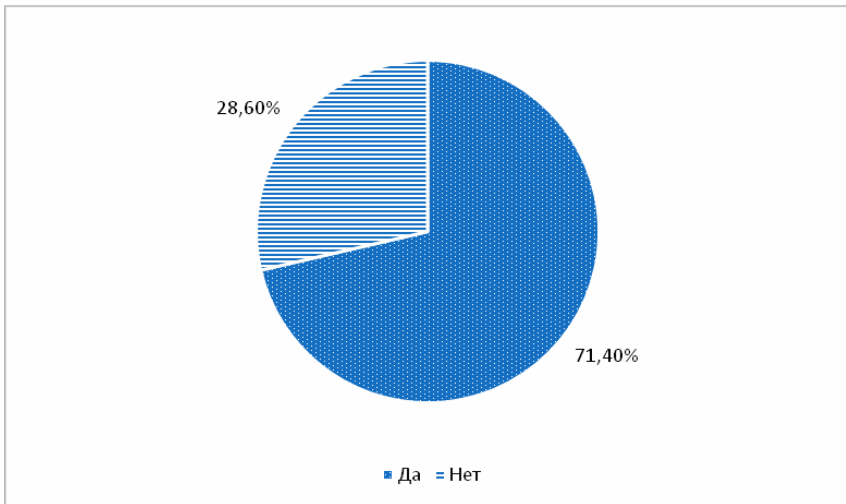

Рис. 14. «Считаете ли вы возрастание объема китайских инвестиций в ЕС угрозой для вашей страны?»

Источник: составлено авторами на основе проведенного онлайн-анкетирования.

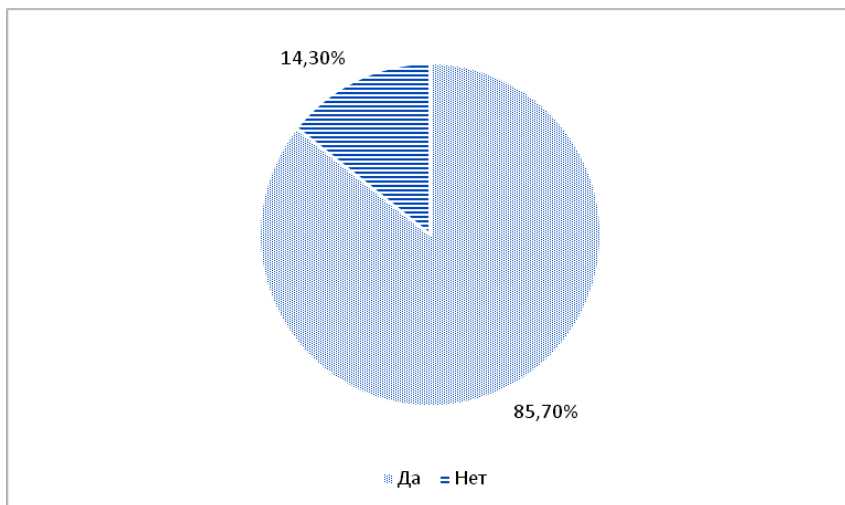

Рис. 15. «Считаете ли вы возрастание объема китайских инвестиций в ЕС позитивной возможностью для вашей компании?»

Источник: составлено авторами на основе проведенного онлайн-анкетирования.

В рамках двух следующих вопросов, которые, в определенном смысле, противоположны двум предшествующим, более 85% опрошенных заявили, что видят выгоду для своей компании в финансовых вливаниях китайских ТНК (см. рис. 15), – этот результат можно объяснить коммерческими интересами любого бизнеса. Вместе с тем при ответе на вопрос о возможностях, которые дает государствам ЕС капитал из КНР, мнения респондентов разделились: 42,9% видят позитивный потенциал китайских ПИИ, 28,6 – не разделяют эту точку зрения, еще 28,6% не определились с позицией по данному вопросу (см. рис. 16). При этом позитивно воспринимают увеличение объемов китайского инвестиционного капитала в ЕС чаще всего граждане стран Восточной Европы, для которых зарубежные инвестиции – это, в первую очередь, возможность улучшения показателей ВВП и новые рабочие места

[Szunomar, 2018]. Отметим, что 28,6% неопределившихся респондентов могут сыграть ключевую роль в формировании будущей европейской политэкономической повестки, так как, выбрав сторону, они образуют абсолютное большинство.

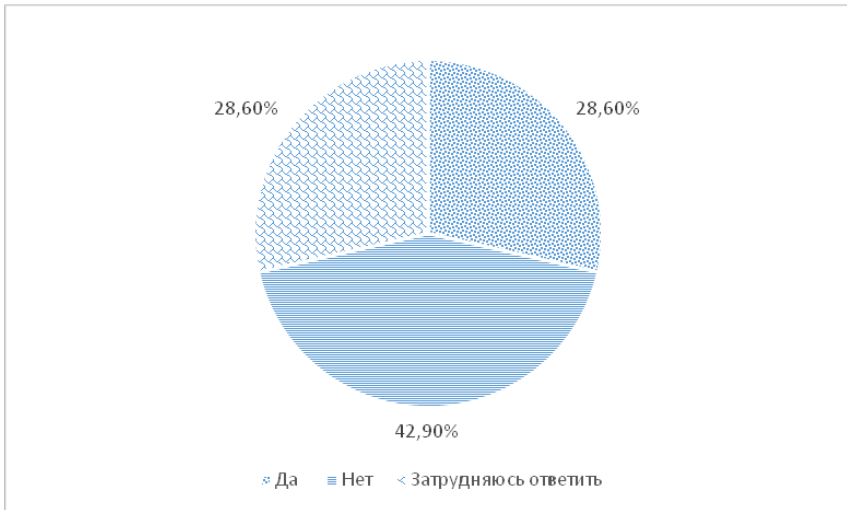

Рис. 16. «Считаете ли вы возрастание объема китайских инвестиций в ЕС позитивной возможностью для вашей страны?»

Источник: составлено авторами на основе проведенного онлайн-анкетирования

Последний вопрос позволяет узнать мнения респондентов по поводу необходимости усиления надзора со стороны государственных органов контроля над китайскими инвестициями в высокотехнологичные сектора экономики ЕС. Большинство респондентов высказались «за» наращивание государственного контроля в данной сфере (см. рис. 17).

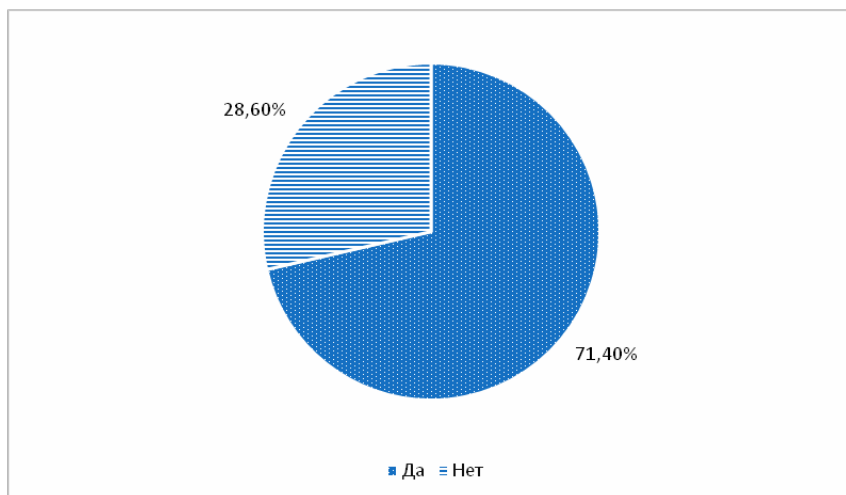

Рис. 17. «Существует ли необходимость усиления контроля над китайскими ПИИ в высокотехнологичных отраслях со стороны государства?»

Источник: составлено авторами на основе проведенного онлайн-анкетирования.

В настоящее время Китай обладает значительным потенциалом для экспорта капитала. Очевидно, что потоки китайских прямых инвестиций в мире и ЕС будут постоянно возрастать, несмотря на определенные флуктуации, обусловленные глобальной эволюционной динамикой. Реализация китайской односторонней инфраструктурной мегаинициативы ОПОП стала причиной качественных изменений в структуре и географии распределения китайских ПИИ в ЕС, дополнительно модулированных воздействием Брекзита. Усиление протекционистских тенденций во внутренней экономической и инвестиционной политике развитых государств во главе с США в совокупности с возрастающим интересом правительства Китая к инфраструктурным проектам ОПОП за пределами Европы привело к уменьшению объемов китайских инвестиций в ЕС после 2016–2017 гг. Вместе с тем дальнейшая реализация программы ОПОП укрепляет позиции периферийных стран «вто-

рого эшелона» Евросоюза, которые могут выступать в качестве информационно-технологических хабов-плацдармов для формирования высокотехнологичных глобальных цепочек стоимости (ГЦС) с сильной (а то и лидирующей) ролью в них Китая, соответствующей заявленным амбициям Поднебесной по глобальному воплощению «китайской мечты».

Рассматривая вопрос о китайских ПИИ в геоэкономическом и геополитическом контекстах с учетом совокупного баланса глобальных конкурентных преимуществ китайских и европейских ТНК, можно предположить, что, с одной стороны, интерес КНР к инвестированию в высокотехнологичные отрасли ЕС будет постоянно возрастать, с другой – будут расти опасения европейского бизнеса и общественности по поводу последствий проникновения китайского капитала в экономику Евросоюза. Очевидно, что Евросоюзу необходимо выработать единую общеевропейскую политику по управлению такими рисками как в рамках единого регуляторного подхода к иностранным инвестициям (среди которых немало китайских, хоть и «перекрашенных» в офшорах в других юрисдикциях), так и для разработки специальных «правил игры» в рамках подписания Всеобъемлющего экономического и торгового соглашения ЕС–КНР. При этом максимальная неопределенность нынешней ситуации, связанная с продолжительностью, управляемостью и последствиями пандемии коронавируса, значительно актуализирует запрос на исследовательские работы предпринимательского характера.

Литература

Сенюк Н.Ю. Прямые инвестиции Китая за рубежом: дисс. ... канд. экон. наук / МГИМО (У) МИД РФ. – М., 2012. – 198 с.

Chen B. Financial market reform in China: Progress, problems, and prospects. – Abingdon-on-Thames: Routledge, 2019. – 423 p.

China Global Investment Tracker / American enterprise institute. – Wash., D.C., 2020. – Mode of access: <https://www.aei.org/china-global-investment-tracker/> (Date of access – 28.07.2020).

Dillon M. Chinese economic history since 1949. – Leiden: Brill, 2017. – 35 p.

Huang Y. Understanding China's Belt & Road initiative: Motivation, framework and assessment // China economic review. – Amsterdam: Elsevier, 2016. – N 40. – P. 314–321.

Itakura K. Evaluating the impact of the US–China trade war // Asian economic policy review. – Canberra: Blackwell, 2020. – Vol. 15, Issue 1. – P. 77–93.

Mobley T. The Belt and Road initiative: Insights from China's backyard // Strategic studies quarterly. – Maxwell AFB, AL: Air univ. press, 2019. – Vol. 13, Issue 3. – P. 52–72.

Seniuk N., De Groot Z. Motivations, preferences, and barriers to going abroad: Russian high-tech start-ups and small innovative enterprises // Outlines of global transformations. – Moscow, 2019. – Vol. 12, Issue 6. – P. 94–129.

Szunomar A. Chinese FDI in Central and Eastern Europe: An overview of factors motivating Chinese MNEs in the CEE region // Global economic observer. – Bucharest, 2018. – Vol. 6, Issue 2. – P. 4–16.

DOI: 10.31249/ape/2021.01.07

Seniuk N. Yu., Terukov I.S.¹ ©, 2021
«Silk Road» and Chinese direct investment
in high-tech industries of the EU

***Abstract.** This article presents a study of the dynamics of the distribution of Chinese direct investment in high-tech industries within the EU. The influence of Chinese FDI on the EU regulatory policy and the specifics of bilateral relations between the PRC and the EU member states in the field of high technologies were also studied. Based on data from the China Global Investment Tracker, the article analyzes the dynamics of Chinese investment flows to the EU from 2005 to 2019 and the distribution of Chinese investments by the EU member states and sectors of national economies before and after the implementation of China's Belt and Road global initiative. Using a structured semi-formalized online survey of employees of high-tech companies located in*

¹ *Seniuk Ninel Yurievna* – Ph.D. in Economic Sciences, Associate Professor, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University «Higher School of Economics» (seniukninel@gmail.com).

Terukov Ivan Stanislavovich – Chief Specialist, Representative Office of the Government of the Trans-Baikal Territory under the Government of the Russian Federation (ivan-teruk@yandex.ru).

the EU, the paper describes the specifics of cooperation with Chinese investors, the personal attitude of survey participants to the growth of Chinese investment capital in the EU and the respondents' opinion on the prospects for the development of investment relations between the EU and the PRC. Based on the results of the empirical analysis, the following conclusions were drawn: China seeks to increase the export of capital to the EU, especially in the high-tech and infrastructure sectors. The EU's strategic response is to develop common regulatory rules. However, the countries of Central and Eastern Europe are interested in increasing Chinese investment inflows much more than their western neighbors, and this fact increases the spread of opinions within the integration union. In addition, the implementation of the Belt and Road program has strengthened the positions of such southern European states as Italy, Greece, Portugal, as global information technology and infrastructure hubs within the framework of China–EU investment relations. At the same time, the consequences of Brexit, the global pandemic and the growth of protectionist sentiments of the EU leadership towards Chinese FDI will certainly have a negative impact on the volume of investment flows from China to the EU in the short term.

Keywords: foreign direct investment, China, high technologies, the EU, TNCs, the Belt and Road initiative.

References

Chen B. (2019). Financial market reform in China: Progress, problems, and prospects. – Abingdon-on-Thames: Routledge. – 423 p.

China Global Investment Tracker. (2020 / American enterprise institute. – Washington, D.C. – Mode of access: <https://www.aei.org/china-global-investment-tracker/> (Date of access – 28.07.2020).

Dillon M. (2017). Chinese economic history since 1949. – Leiden: Brill. – 35 p.

Huang Y. (2016). Understanding China's Belt & Road initiative: Motivation, framework and assessment // China economic review. – Amsterdam: Elsevier. – N 40. – P. 314–321.

Itakura K. (2020). Evaluating the impact of the US-China trade war // Asian economic policy review. – Canberra: Blackwell. – Vol. 15, Issue 1. – P. 77–93.

Mobley T. (2019). The Belt and Road initiative: Insights from China's backyard // Strategic studies quarterly. – Maxwell AFB, AL: Air univ. press. – Vol. 13, Issue 3. – P. 52–72.

Seniuk N.U. (2012). China's direct investment abroad: Ph.D. thesis [*Прямые инвестиции Китая за рубежом: Diss. ... канд. экон. наук*] / MGIMO (U) MFA Russia. – Moscow. – 198 p.

Seniuk N., De Groot Z. (2019). Motivations, preferences, and barriers to going abroad: Russian high-tech start-ups and small innovative enterprises // *Outlines of global transformations*. – Moscow. – Vol. 12, Issue 6. – P. 94–129.

Szunomar A. (2018). Chinese FDI in Central and Eastern Europe: An overview of factors motivating Chinese MNEs in the CEE region // *Global economic observer*. – Bucharest. – Vol. 6, Issue 2. – P. 4–16.